

Стихотвореніе.

Утренняя въ гробу.

Скульптору А. С. Голубкиной.

По засѣлкѣ ночью, глухою зимой,
Шель странникъ убогій, дорогой прямой
Къ заутренѣ въ скитъ поспѣшая.
Крѣпчаетъ морозъ по-надъ дебряю густой;
Подъ инеемъ частый трещить сухостой:
А путникъ бредеть, не плошая.

А на небѣ звѣзды, что въ пчельникѣ рой,
Кишатъ, переливной сверкаютъ игрой;
А холодъ и нѣжить, и жалить,—
Охватомъ хватаетъ, шатаетъ какъ хмель,
Мутить, разываетъ, въ сугробъ—на постель,
На мягкую—соннаго валить...

Очнулся: мельтешить пятномъ огонекъ...
И какъ онъ набрелъ—самому невдомекъ—
На свѣтъ, и крылечко находить...
Но чудится—въ спину толкаетъ слегка
И за плечи держать живая рука,
И въ тѣсную келейку вводить.

Въ печуркѣ валежникъ хруститъ подъ золой;
Въ переднемъ углу—образа и налой,
А въ темномъ куту—домовина.
Поклоны кладетъ предъ святынею гость;
За гостемъ, въ куколѣ, самъ—кожа да кость,
Подвижникъ великаго чина.

„Похоже, къ заутренѣ въ скитъ поспѣшалъ,
Да малость, поди, невзначай оплошалъ:

А диво-ль по нынѣшнимъ стужамъ?
Понѣжься теплыню часокъ, отдышись!
Спать въ гробѣ обыкъ я,—ты въ гробѣ и ложись.
А службу и въ кельѣ отслужимъ“.

Гость въ гробѣ Исусово Имя твердить,
А схимникъ предъ Спасомъ кадиломъ кадить
И блѣнне править ночное.
Дымить свѣтозарнѣй лазоревый дымъ:
Небесною кущей, шатромъ голубымъ
Убѣжище зрится земное.

Въ лазоревомъ звѣзды, что въ пчельникѣ рой,
Кишатъ, переливной сверкаютъ игрой,
Мать Свѣтовъ величать соборнѣ.
Онъ очи смежаетъ: воззрѣтъ имъ нельзя...
Подъ нѣжной стопой расцвѣтаетъ стезя,
Подземные шепчутся корни...

Кто за руку взялъ и отъ гроба воздвигъ
Забывшаго землю? Подъ схимною ликъ,
Въ сребрѣ похоронномъ и въ черни...
И странникъ выходитъ на солнечный свѣтъ:
Алѣветъ опушка, алмазится слѣдъ,—
Бьютъ въ колоколь скитскій къ вечернѣ.

Вячеславъ Ивановъ.

Февраль 1914 г.